

ступков, а как великое разнообразие путей. "В подвалах и гардеробных,- пишет Малецкий,- по вечерам собирался истинный цвет московской мысли, московского чувства истины... Люди далеко не именитые, не блестящие, как все, живущие на глубине и питающие верхние слои своим общим умонастроением, напряжением своих поисков. Я видел здесь тихих, гипнотически спокойных последователей Кришнамурти или Рамакришны, Вивекананды или Ауробиндо Гхоша, видел агни-йогов и людей, чья духовная практика шла рука об руку с диетикой телесной. Затем ... любителей изотерики восточного толка сменили испуганные разоблачители масонства... В дальнейшем я частенько сталкивался с православными евреями, стремящимися внести свой вклад в рехристианизацию Руси с тем же энтузиазмом, с каким некогда их деды делали революцию..." От того, что ищущих и даже нашедших смысл жизни - тьма тьмущая, жизненная задача одного человека, любого просто человека только усложняется. Ведь чем больше жизненных дорог,- тем больше не т в о и х дорог, больше ложных путей и соблазнов, которые еще нужно преодолевать.

Есть где потеряться,- и растет растерянность. У Малецкого героя вызывает из затруднения литература, писательская подделка. Огромную, спасительную роль в его жизни играет случайно найденная чужая рукопись. Текст ее тоже приводится, и возникает популярнейшая в современной литературе конструкция - роман в романе, или метароман.

Понятно, конечно, что мы живем в стране, где вся жизнь центонна, где единственные действующие законы - литературные, где экономические ассоциации однодневны, и только литературные незыблемы. Но, по Малецкому, литература у нас не просто вездесуща, она - путеводна. И никакие математические операции не меняют смысл этой формулы на противоположный: и сам герой, и его иронический двойник-перевертыш находят спасение с помощью родной словесности (анекдотический Кострецов решает "пролезть" в вечность контрабандой - подложив в книги великих писателей свое письмо к потомкам - кстати, опять же литературное произведение).

По контрасту с авангардным "Убежищем" самарская трилогия "Закрытый город" смотрится классической прозой. Тем более что легко угадываются те высокие образцы, на которые она ориентируется. Всякому очевидна связь между "Огоньками на той стороне" - и Гоголем, повестью "На очереди" - и Львом Толстым. Дело в том, что эти произведения написаны о крайне

устойчивых вещах (о том, например, как живет и умирает русский человек,- не в определенную эпоху, а вообще). До того прочно сидящих в жизни, что кажется, будто классики не описали, а предписали их нам, не воссоздали, а спланировали нашу действительность. В изображении Малецкого Самара - противостоит естественный город, город-ловушка, город-провокация. Полупустынная протяженность и обозримость пространств, волжская ширь, длинные набережные, располагающие к неспешным прогулкам,- все это есть. И все это внушает представление о свободе, масштабах, каких-то особых перспективах жизни. Но это только приманка, а на практике формула любой судьбы - куда ни кинь все клин.

Своего протогониста Голобородько писатель наделяет богатырским запасом сил и фантастической живучестью, способностью многократно менять кожу, восставать из праха. Но это дарованное персонажу почти всеислие - способ подчеркнуть его обреченность. Все попытки Голобородько сотворить из своей жизни хоть что-то осмысленное, попытки дерзкие, лихие, жалкие, какие угодно,- одинаково кончаются ничем ("Все помноженное на нуль равняется нулю"). Вот эта загадка бесследного исчезновения так щедро отпущенных Богом сил и способностей становится смысловым центром этой и многих других вещей Юрия Малецкого. При их чтении трудно избавиться от ощущения какого-то гнусного подвоха, хитроумного надувательства, с помощью которого жизнь сводит на нет многие человеческие труды. Исходная тупиковость нашего существования и невозможность с нею примириться - постоянные темы, смысловые лейтмотивы сборника: "Ничто не идет нам впрок, все хуже всего по-своему, и это интересно и поучительно, что в этой стране всегда чем хуже - тем лучше, а чем лучше - тем хуже, и так без конца. Путь этой страны и мой путь - это всегда кольцо планеты Сатурн, кольцо жуткой жизни вокруг ядра Святой Руси, и это кольцо всегда огромно, а это ядро всегда маленькое-маленькое; и это кольцо всегда- петля Мебиуса, и это всегда- мертвая петля" ("Ониксовая чаша"). По Малецкому, жизнь человека всегда под угрозой, его спасение всегда проблематично, но это единственная проблема, над которой стоит ломать голову.

КОНСТАНТИН КЕДРОВ

* * *

Ангелия
Будучи шутя играючи...
Улетающая птица...
Страсть
Твое сердце...
Иероглиф
Библия бабочки
Преобразования
Моему дому...
Аэроэр

АНГЕЛИЯ

Один Ангел
Другому Ангелу
дарит Данию
Дарит Ангелию
Как Гольфстрим
Огибает Англию
Обнимают
Ангелом Ангела
И вливается в сердце Ангела
Бесконечность другого Ангела
1996

* * *

Будучи шутя играючи
высекая огонь
друг из друга
соприкоснулись
каменные сердца
В каменном небе
каменный самолет
улетает в каменный небосвод
1996

* * *

Улетающая птица
только приближает пространство
Как пять пальцев прячутся в
гамму
догоняя одной нотой
другую ноту
Скажешь ДО
оно уже СОЛЬ
Скажешь СОЛЬ
оно уже ДО

ДО встречи
1996

СТРАСТЬ

В солнце столько слёз
сколько в слезах солнц
Все во мне переполнено твоим
летом
Так начинается словесная битва губ
Губы говорят
"ЛЮБ-
ЛЮ-
ГУБЫ"
"ЛЮБ-
ЛЮ-
ГУБЫ"
Отвечают
губы
Растерзай меня своими крыльями
Отдай голосу дыханье
дыханью голос
Как далеки друг от друга
копыта скачущего коня
так я далек от тебя
так ты далека от меня
1996

* * *

Твое сердце
и мое сердце
любят друг друга
как сон и ночь
Твое сердце
и мое сердце
любят друг друга
как снег и дочь
Дочь летит в середине снега
снег образует свидетелей
из стекла
Я из снега
и ты из снега
каждый из снега
в себе стена

Можно сто раз повторять слово
"однажды"
но однажды оно тебя повторит
Когда ниспадают с двух тел одеж-
ды
тело вспыхивает как сухой спирт
Как спириты вращая блюдце
возвращаются к одной цели
так два тела в одно сольются
оставаясь в собственном теле
1996

ИЕРОГЛИФ

Я бы сказал
- Правды несть
Но есть
китайская месть
Китайская месть
есть
Когда в Китае
тонет Титаник
увлекая на дно Китай
Или
в город вползают
танки
или
танкист
покидает
танк -

Возможно
что Бог
в середине Китая
летает витая
витают летая
1996

БИБЛИЯ БАБОЧКИ

Две стены как бабочки
под углом расправляют крылья
Бабочка ночная колышет тень
Четырёхугольной бабочкой
восьмикрылой
комната давно готова
взлететь

Мир амурный из моря крыл
Замирает в мирах укромных
Словно Библию приоткрыл
и захлопнул
1996

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Преобразования ряда птиц
Сводит всякий полёт к нулю
Если в числителе единица
Нуль в знаменателе = кораблю

Корабль из звука вмещает пламя
Оставляя позади лёд
Расстояние между двумя громами
Больше чем горизонт
Выходит за горизонт
Уходит за горизонт

Когда корабль вытесняет
море
Оно = кораблю
Поэтому тела в любви неве-
сомы
Но как корабль по волнам
несомы
Вес вытесненного тела =
нулю
1996

* * *

Моему дому
Твоему знаку
Огненному столпу
творения

Голосом
не знающим боли
Отгородиться
и плакать
горько

Медленно
польхая
ах я
уже
в хоре

Но не тебе
и не мне
по кругу
каждому
свой вскрик
и невеста

Обворожительно
Окрылённо
Преображенно
Нежно
1996

АЭРОЭРА

Всё что пережито - не пере-
жито
Мы предопределены
но не предрешены
Эра аэродромов
уходит в прошлое
Наступает эра
аэро-
тишины
1996